

Хаза, получив подтверждение от близкого друга, отбросил сомнения, и люди Олы смогли беспрепятственно сесть в машину и начать действовать.

— Женщины, когда злятся, действительно страшны, — пошутил Чжэн Кэ, обращаясь к Оле.

Ола посмотрела на Се Цюци:

— В основном это его идея, я лишь предоставила деньги и людей. Серьёзно, Се, если ты захочешь работать под моим началом, я всегда буду рада. Могу предложить тебе высокую зарплату, и вместе мы быстро захватим всю Анголу.

Се Цюци воспринял это как шутку:

— Нет, спасибо, мне это неинтересно.

Чжэн Кэ немного посочувствовал командиру: весь этот спектакль от начала до конца контролировали Ола и Се Цюци. Хаза и во сне не догадался бы, что его арест и освобождение — дело рук этих двоих. Будь он умнее, постарался бы оставаться в тюрьме как можно дольше — только там он был бы в безопасности.

Остался последний вопрос:

— А что, если план не сработает? Есть запасной вариант?

— Нет, — сжав губы, ответил Се Цюци. — Либо победа, либо поражение. Такова война.

После этого Се Цюци больше нечего было делать, оставалось только ждать новостей.

Освобождение под залог в тюрьме занимало время, так что Хаза мог выйти не раньше вечера или следующего утра. После отравления ему наверняка вызовут скорую — вот тогда и появится поддельная машина Олы, чтобы забрать «тело». Как только «тело» окажется у них, ему тут же введут сыворотку и окажут первую помощь.

Син Чжифэй, закончив давать показания в полиции, присоединился к ним. Полиция не стала чинить препятствий: сфотографировала бриллиант для доказательств и отпустила его с настоящим камнем. Золотой бриллиант остался цел и вернулся в страховую компанию.

Повариха Олы приготовила жареные стейки и креветки — праздновали промежуточную победу.

Шахтёры наконец-то насладились самым достойным ужином за всё время в Африке. Чжэн Кэ принял душ, побрился и переоделся, наконец-то став похожим на человека, а не на обезьяну. Освежённый, он вышел из ванной, направился на кухню помочь с посудой и выпросил у повара стакан яблочного сока.

— Очень сладкий, хочешь попробовать? — он протянул стакан Се Цюци.

Тот сидел за разгромленным столом и выглядел уставшим:

— Пей сам.

Чжэн Кэ наконец смог внимательно его рассмотреть:

— С твоими ранами всё в порядке?

Се Цюци покачал головой. При прыжке из машины он вывихнул руку, и та всё ещё ныла. «Семейный врач» Олы осмотрел его, втёр какое-то масло — не помогло. Медицинские условия в Африке оставляли желать лучшего, и кто знал, было ли это масло лекарством. Впрочем, боль он терпел — может, после сна пройдёт.

Чжэн Кэ видел, что тот не в духе, и осторожно коснулся его руки:

— Может, всё-таки в больницу, сделать снимок...

— Сейчас не время привлекать внимание, — прервал его Се Цюци. — Когда всё закончится, тогда и разберёмся.

Чжэн Кэ понял, что тот не хочет говорить, но сам был переполнен словами, которые копил все эти дни. Каждую ночь в подвале церкви он репетировал этот разговор.

— Я скучал по тебе, — честно признался он. — Боялся, что больше никогда не увижу.

Се Цюци, подперев голову рукой, улынулся лениво.

— На самом деле я не так уж сильно изменился, — смущённо пробормотал Чжэн Кэ. — Я хотел, чтобы ты не приходил меня спасать. Так было бы безопаснее для тебя. Но в глубине души... в глубине души я жаждал, чтобы ты пришёл. Просто не мог этого сказать.

Се Цюци погладил его по голове:

— Ты справился хорошо, Чжэн Кэ. Не будь слишком строг к себе.

Чжэн Кэ покраснел от прикосновения:

— Просто в этот раз повезло.

— Ты не до конца побрился, — с усмешкой заметил Се Цюци, проводя пальцем по щетине на его подбородке. — Оставь немного, выглядишь как настоящий мужчина.

Чжэн Кэ уже не мог сдержать краску на лице, словно в его сердце установили мотор, который громко стучал. Это что, флирт? Может, он хоть немного меня любит?

— Может, в зеркале был пар, я не разглядел, — смущённо пробормотал он. — Если тебе нравится, оставляю.

Се Цюци счёл его глупым:

— Какое отношение это имеет к моим предпочтениям? Ладно, расскажи, что там с Овчаркой?

Бедный Чжэн Кэ наконец собрался с мыслями и изложил суть дела.

— Овчарка — человек, который преклоняется перед силой. Он следует только за теми, кто действительно силен, да ещё и сам неуверен в себе. Не сказать, что он отъявленный негодяй, — рассуждал Чжэн Кэ. — Я даже думал взять его с собой — он правда хочет уехать из Африки. Но, возможно, у него здесь какие-то привязанности или компромат у Хазы. В общем, жалко его.

Се Цюци счёл его слишком мягким:

— А когда он безжалостно убивал женщин на пристани, тебе его не жалко было?

Чжэн Кэ вспомнил:

— Нельзя во всём его винить. Он просто крестьянин, выросший в джунглях, необразованный, мира не видел, в жестоком обществе вырос, о морали и не слышал. Но если у него есть желание измениться, он сможет избавиться от своей грубости.

— Я тоже крестьянин, необразованный и не видевший мира. Значит, я тоже грубый? — с усмешкой спросил Се Цюци.

— Нет, я не это имел в виду! — повысил голос Чжэн Кэ. — Ты совсем другой!

Се Цюци намеренно поддразнивал его:

— Чем же я отличаюсь?

Лицо Чжэн Кэ, только что начавшее остывать, снова запылало:

— Ты... ты замечательный. Ты не такой, как все, ты особенный, уникальный, сильный, честный, уверенный...

— Хорошо подлизал, — усмехнулся Се Цюци.

— Это не лесть, это правда! — Чжэн Кэ готов был вывернуть своё сердце наружу. — Мой отец говорил, что в мире есть два типа выдающихся людей. Одни, что бы они ни делали или говорили, вызывают у людей мысли: «Он действительно великолепен», «Он потрясающий», «Он делает всё так хорошо, он — эталон». А другие, что бы они ни делали или говорили, заставляют людей думать: «Спасибо, что этот человек есть, жизнь всё ещё прекрасна», «С ним чувствуешь надежду и счастье», «Он приносит утешение и уверенность».

Се Цюци понял его и почувствовал лёгкое волнение.

Голос Чжэн Кэ стал мягче:

— Цюци, с первой встречи в аэропорту я понял, что не потерял надежду до конца. Пока ты есть, свет в моей жизни не погас. Благодаря тебе я смог выдержать всё это. Когда я увидел тебя в подвале церкви, я почувствовал себя счастливее, чем когда-либо. Я знал, что кто-то думает обо мне, и я думал о нём. Даже в самые тяжёлые и унижительные моменты, зная, что ты думаешь обо мне, я мог жить.

Волкотт писал:

*«Тогда я научусь любить тёмные дни так же, как светлые,

любить чёрный дождь и белые горы,

лишь бы я любил лишь своё счастье и тебя».*

В тот год Чжэн Кэ был двадцатиоднолетним выпускником, оказавшимся на самом дне жизни.

Встретив Се Цюци, он понял: отныне его счастье будет связано с этим человеком.

(* Строфа из стихотворения Дерека Уолкотта «Чёрный август».)

Ху Цяобо, войдя, сразу почувствовал напряжение в воздухе.

Чжэн Кэ сидел, красный как рак, поджав ноги, словно смущённая девица. Се Цюци, держа вилку, с удовольствием отправлял в рот остывшие креветки.

Увидев Ху Цяобо, выражение лица Се Цюци изменилось:

— В чём дело?

— Эм... — Ху Цяобо чуть не забыл, зачем пришёл. — Ола велела передать: Хаза сегодня не выйдет, процедура освобождения под залог завершится только завтра утром. Так что все могут лечь спать пораньше, хорошенько отдохнуть.

Се Цюци кивнул:

— Понял.

Ху Цяобо уже хотел уйти, но взглянул на Чжэн Кэ:

— Сяо Цю, мы... можем поговорить?

Се Цюци ответил сухо:

— Говори прямо.

— Сяо Цю, — настойчиво повторил Ху Цяобо.

Се Цюци бросил на Чжэн Кэ многозначительный взгляд. Тот, нехотя, но удалился.

<http://bllate.org/book/15957/1426896>